



XXXVII г.

№ 38

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 23-го сентября 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 32.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1906 г.

съ приложеніемъ 40 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

остальные 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Материалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

первыя 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакцію и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“.

12 № № „Парижскихъ модъ“ и пр.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи . . .

8 р.

За
гра-
ницу. 12 р.



Четыре темперамента. Картина Эд. Грюцнера, гравюра Фальшеера.

Соловей.

Разсказъ
К. Баранцевича.

(Продолженіе).

V.

Но тутъ, въ минуту самой искренней, самой интимной бесѣды съ самимъ собою, Веденей Спиридонычъ вдругъ услышалъ одно слово, заставившее его встрепетаться и забыть всѣ свои обиды и огорченія.

Достаточно уже пьяный Терентій Павловичъ всѣмъ грузнымъ туловищемъ наклонился къ тщедушному и събѣхавшему на самый край скамейки Сысой и проникновенно-пьянымъ голосомъ спрашивалъ его:

— Хорошъ, говоришь? Голосистъ? А?

— Да ужъ такъ хорошъ, такъ голосистъ, говорить не остается!—восклицалъ Сысой, обѣими худыми руками изо всѣхъ силъ упираясь въ край скамейки.

— Врешь!

— Чтò мнѣ врать-то, подумай самъ! Кабы онъ мой былъ и я бы его продавалъ, что ли, ну, другое дѣло! А вѣдь онъ Божій!

— Ты слышалъ?

— Конечно, слыхалъ, а ты думалъ чтò? Зря не стану говорить!

— Это вы о чемъ собственно?—спросилъ Бумазѣвъ, степенно поглаживая бороду и тѣмъ стараясь скрыть свое волненіе.

— Да соловей тутъ проявился... около станціи!.. Слышали, можетъ-быть?

— Слышалъ! Кто же его не слышалъ! Замѣчательная птичка!

— Чѣмъ же, собственно, замѣчательная, позвольте спросить?—освѣдомился садовникъ:—надо такъ думать: соловей какъ соловей!

— Ну, нѣтъ!—раздумчиво покачалъ головою Бумазѣвъ:—этотъ какой-то особенный!

— Ну, вотъ! Чтò я говорилъ!—обрадовался Сысой:—а ты не вѣришь! Вотъ вѣдь тебѣ подтверждаютъ!.. Чего тебѣ больше? Подтверждаютъ!

— Да ты постой, не баламутъ!—отмахнулся отъ него Терентій Павловичъ:—вотъ я хотѣлъ у васъ спросить...

— Чего „баламутъ“! Ничего не баламутъ! Я развѣ неправду? Я правду говорю! Вотъ и они подтверждаютъ!..

Сысой окончательно сползъ съ скамейки и стоялъ теперь передъ столомъ, размахивая руками и наступая на садовника.

— Постой, погоди ты, таранта!—отмахивался тотъ:—я, собственно, видите ли, потому спрашиваю, — обратился онъ къ Бумазѣву:—что какъ я жилъ въ херсонскомъ имѣніи у графа Салтыкова, такъ этихъ самыхъ соловьевъ, можно сказать, прекрасно знаю! По здѣшнему мѣсту соловьевъ ожидать нельзя, а это, должно быть, варакушка!

— Ну, вотъ, варакушка! Эка хватилъ!—воскликнулъ Сысой:—я варакушку отлично знаю... сѣренькая такая, маленькая.

— Да и соловей сѣрый! Это у переидекаго соловья только на горлышкѣ красноватая пятнышка и хвостъ краснѣе, а обыкновенный соловей всегда сѣрый, и на хвостикѣ чуть-чуть красинка, словно ржавчинка вкраплена!

— Однако ты довольно хорошо знаешь соловья-то!—замѣтилъ Бумазѣвъ.

— Помилуйте, какъ не знать!—воскликнулъ садовникъ:—я у графа Салтыкова въ херсонскомъ имѣніи насмотрѣлся и наслушался соловьевъ, можно сказать, вотъ какъ! Тамъ и переидекіе попадались, только рѣдко! Мнѣ вотъ чтò удивительно, что здѣсь проявился соловей! Это на рѣдкость!

— Да еще какой соловей-то!—воскликнулъ Веденей

Спиридонычъ и закрылъ глаза:—такого соловья слушать... Господи помилуй, все равно, чтò въ храмѣ!

— Нужно послушать! Непремѣнно схожу послушать!

— Я слушалъ!—вставилъ свое слово молчавшій все время Иванъ Поліевктовичъ.

— Ну, и чтò же?—спросилъ садовникъ.

— Очень хорошо!—похвалилъ Иванъ Поліевктовичъ:—какъ это онъ заведетъ, значить... Сперва „цыкъ, пыкъ, цыкъ“, и долго такъ все щелкаетъ, все: „цыкъ, цыкъ“, а потомъ какъ пуститъ: „тріу“, такъ даже удивительно, какъ такая маленькая пичужка, и какъ старается!..

— Вотъ, вотъ именно!—воскликнулъ Веденей Спиридонычъ:—и вѣдь какъ это у него... горлышко не перервется. Просто за него страшно. „Вотъ, вотъ“, думаешь, а онъ себѣ перепархиваетъ, знай перепархиваетъ, все выше да выше забирается.

— А что, Веденей Спиридонычъ, у васъ и похжей на такую птичку нѣтъ?—спросилъ Сысой.

— Гдѣ тамъ!—махнулъ рукою Бумазѣвъ:—развѣ это возможно! У меня канарейки да чижи, щеглы, крапивничекъ есть... черный дроздъ очень хорошо поетъ!

— Эти тоже поютъ недурно!—подтвердилъ Терентій Павловичъ:—но куда же имъ противъ соловья! Такъ вы говорите, что это соловей?

— Соловей, соловей!—подтвердилъ Иванъ Поліевктовичъ:—я даже, знаете ли, самъ видѣлъ, подсмотрѣлъ, какъ онъ прыгаетъ! Настоящій соловей, вѣрно! И вотъ чтò я вамъ скажу: пятнадцать лѣтъ я тутъ живу, и ни разу не было, чтобы, значить, соловей прилеталъ! А главное—гдѣ поселился! У самой станціи! Тутъ тебѣ и паровозы пыхтятъ, гудятъ, и колоколь, и народу много, шумъ, толкотня, а онъ на-ко поди! Засѣлъ въ кусты да пописываетъ!

— Онъ этого не боится, шума-то!—авторитетно замѣтилъ садовникъ:—ему это все ни почемъ, были бы кусты да вода бѣгущая! Стоячей пить не охотникъ!

— Не любить?—съ нѣжностью въ голосѣ спросилъ Бумазѣвъ.

— За нужду пьетъ и эту, только не одобряетъ!

— Да, подумаешь, какъ Господь устроилъ все на свѣтѣ!—благочестиво вздохнулъ Веденей Спиридонычъ:—какую способность даровалъ птичкѣ! Изъ себя невидная, сѣренькая, отъ земли не отличишь, а запоетъ — душа на небо просится, плакать хочется!

— Зато и цѣнятся они, соловьи-то!—замѣтилъ Сысой.

— Какъ не цѣнить!

Компанія сидѣла нѣкоторое время молча.

— Поймать бы... — проговорилъ Сысой, раздумчиво почесывая въ затылкѣ.

Всѣ переглянулись, словно одна и та же мысль явилась у каждого изъ нихъ.

— Легко сказать „поймать“, — заговорилъ Веденей Спиридонычъ:—она вѣдь тоже... птичка... себя соблюдаетъ, не очень-то обману поддается! Птичка аккуратная!

— Чтò и говорить!—подтвердилъ садовникъ.

— А все-таки противъ человѣка...—началъ Сысой.

— Разсказывай!—прервалъ Иванъ Поліевктовичъ:—другой звѣрь хитрѣе человѣка! Въ прошлую зиму это было: лисица...

— Такъ вѣдь то звѣрь! Сказалъ тоже: „лисица“! Да она хитрѣе чорта!—въ свою очередь прервалъ Терентій Павловичъ:—она вонъ мертвой притворяется! А птица—никогда! Птицу очень легко обмануть!

Между пріятелями поднялся споръ. Вліяніе выпитой

водки быстро сказалося: все кричали, стараясь перекричать друг друга, размахивали руками... Бумазьев один не принимал участия в спор и сидел, погруженный в задумчивость.

Предположение поймать соловья глубоко запало ему в душу... А если бы только можно было его поймать! Въ эту минуту Веденей Спиридоныч не пожалел бы, кажется, ста рублей, до такой степени была издергана и растрожена его душа любителя певчих птиц.

Он смотрел попеременно на всех трех подвыпивших друзей и думал, кто из них сможет оборудовать ему это дело—поймать соловья. Но все они были до такой степени безтолковы, крикливы и даже настолько пьяны, что входить с ними в какие бы то ни было по этому поводу разговоры было бы излишней, непроизводительной тратой времени, и только.

— Ну, до свиданья! Пойду к дому!—сказал Бумазьев, тяжело поднимаясь с скамейки:—спасибо на угощенье! Заходи уже, Сысой! Да и вас милости просим!

— Ваши гости!—ответили приятели.

— Что-ж мало чайку выкушали?—кинул ему вслед Сысой.

Веденей Спиридоныч только помотал головой, как бы желая этим сказать, что много доволен и больше не желает.

VI.

Время приближалось к ужину, и Бумазьев степенно, не торопясь, направлялся к своему дому. Прежде чем войти в квартиру, Веденей Спиридоныч завернул в лавку, где орудовать подручный Елизарыч, пожилой, мрачный, чахоточного вида человек. С подручным Бумазьев был на ножах, но не увольнял его только потому, что Елизарыч был человеком, во-первых, дельным и нужным, а затем и изумительно честным, что, как известно, считается большою редкостью среди лавочников. Но, вместе с честностью, Елизарыч соединял в себе и ту независимость духа, которая характеризуется тем, что такого рода люди спуска, что называется, не дают. В отместку за эту независимость духа и в связи с привычкой Елизарыча тыкаться в углы, преимущественно темные, и что-то ворчать, впрочем, очень тихо, про себя, Бумазьев прозвал его „хорем“. Этот „хорь“ произносился в интонациях ласкательных и грубо-оскорбительных, смотря по настроению хозяина. Третье состояние было безразличное, когда кличка давалась просто в силу установившейся привычки. В таком безразличном состоянии вошел Бумазьев в лавку и теперь, и обратился к Елизарычу:

— Ну, что, Хорь, приходили от Фотогенова за досками?

— Приходили!—глухо и мрачно проворчал Елизарыч, опуская нос в кадучку с огурцами, стоявшую в самом темном углу лавки:—да ведь нет досок-то!

— А имь каких?

— Не все ли равно—каких, коли нет! Полуторку, что ли, спрашивали!

— Полуторки есть самая малость, да Фотогенову продать нельзя,—покупатель хороший. Что же ты имь скажешь?

— „Что сказать“! Сказать, что будут!

— Эх, дело-то какое! Завтра на биржу нужно ехать! Что ты там ворчишь?

— Что ворчу! Принимаю выручку-то!

— Ладно! Успокойся.

Бумазьев прошел через сени на кухню своей квартиры. Там, у плиты, согнувшись, втянув голову в толстые плечи, что-то медленно копошилась Лизавета Семеновна.

— Ужинать будем, что ли?—грубо спросил Веденей Спиридоныч.

— Сейчас!—беззвучно ответила жена.

— „Сейчас“! У тебя все „сейчас“! Гм! Ходила бы меньше по задворкам!.. Гм! И на стол не собрано еще! Гм!

Веденей Спиридоныч „швырялся“, т. е. с размаху двигал мебель и хлопал дверями, что он делал всегда, когда был разстроен и зол.

— Не собрано потому, что с Сеничкой провозилась!—ответила Лизавета Семеновна.

— Что такое с ним?

Веденей Спиридоныч вышел в кухню и взглянул в упор на жену. Желтое, одутловатое, с морщинами под глазами, лицо ее носило какое-то странное, смешанное выражение: недавнего тупого, привычного хмея и какой-то внутренней тревоги.

— Что же с ним?—повторил Бумазьев, опуская глаза, до того ему было тяжело и противно смотреть на жену.

— Занездоровил шибко! Оморок был!

— Ну, а теперь?

— Теперь как будто ничего.

Что-то заскребло на сердце Веденей Спиридоныча. „Эх,—подумал он:—сын болен, не жилец, видно, на свете, Лизавета совсем спилась, опустилась... Для кого торговля, кому деньги наживаю!“

— Собирай ужинать-то, а я пойду, посмотрю!

Он вышел в коридор и тихонько приотворил дверь в комнату сына. Сенья лежал на кровати, лицом ко входу, с закрытыми, глубоко запавшими глазами. Лицо его было бледно-восковое, и только на щеках, величиною с медный пятак, горели румянец.

„Господи Боже, словно покойник!“—подумал Веденей Спиридоныч и осмотрелся.

У окна, за столиком, виднелись широкая спина и курчавый затылок склонившегося за книгой Филистимлова.

При появлении отца Сенья открыл глаза, тень беспокойства пробегала по его восковому лицу, пятна румянца стали ярче. Большой сдвинул усилие приподняться, но не мог, и остался лежать с жалкой, виноватой улыбкой на сухих губах.

— Чего ты, чего!—заговорил Веденей Спиридоныч:—чего шевелишься. Лежи!

— Да, ему нельзя подниматься! Может опять кровохарканье сблататься!—замечил Филистимлов и со злостью взглянул на старика.

— А развѣ было?—тоном испуга спросил Бумазьев.

— Как же! По этой причине и ослаб! Лежить.

— А мнѣ жена говорила: оморок!

— Отъ этого и обморок!

— А доктор?

— Где же тут доктор? Сами знаете, нужно на Ульяновку ехать! Своими средствами помогали.

— Да я ничего! Я поправлюсь! Это скоро пройдет, папенька!—запел больной.

— „Пройдет“! Э-эх!

Веденей Спиридоныч сел на стул, стоявший в ногах у сына, и опустил голову. Настала долгая, томительная, тяжелая тишина, в продолжение которой слышно было только затрудненное, с хрипами, дыхание больного.

В голове Бумазьева проносились мысли, которые он никогда бы не решил, никогда бы не мог высказать сыну, как не мог он их высказать раньше, потому что почти с самого рождения Сени между отцом и ребенком воздвиглась какая-то суровая, неодолимая, неразрушимая стена того особенного бытового склада жизни, в котором вырос и воспитывался сам Веденей Спиридоныч и, в свою очередь, воспитывал своего первенца, своего единственного и, по своему, горячо любимого сына...

И тѣ отмѣнныя и печальныя слова, съ которыми теперь мысленно обращался Веденей Спиридонычъ къ сыну, этотъ послѣдній, въ силу установившихся разъ навсегда традицій, никогда не долженъ былъ знать.

кій, когда быть совсѣмъ маленькимъ, когда бѣгать въ красной рубашонкѣ...

Тутъ Веденею Спиридонычу припомнились всѣ игры и чудачества его маленькаго Сени, всѣ его шалости,



Лунная ночь въ Крыму. Картина Г. И. Столицы, авт. «Нивы».

„Бѣдный ты, бѣдный мой мальчикъ!—думалъ Веденей Спиридонычъ:—поѣдомъ-бѣть тебя твоя проклятая болѣзнь, совсѣмъ истаялъ ты, дорогой мой, любимый, совсѣмъ, совсѣмъ истаялъ! Того ли я ждалъ отъ тебя, моего дорогаго! Какой ты былъ славный, веселый, круп-

привычки, недостатки, припомнились заодно и его любимыя игрушки,—и острое чувство жалости и страхъ безпомощности, невозможности помочь медленно умирающему сыну, затомили его душу.

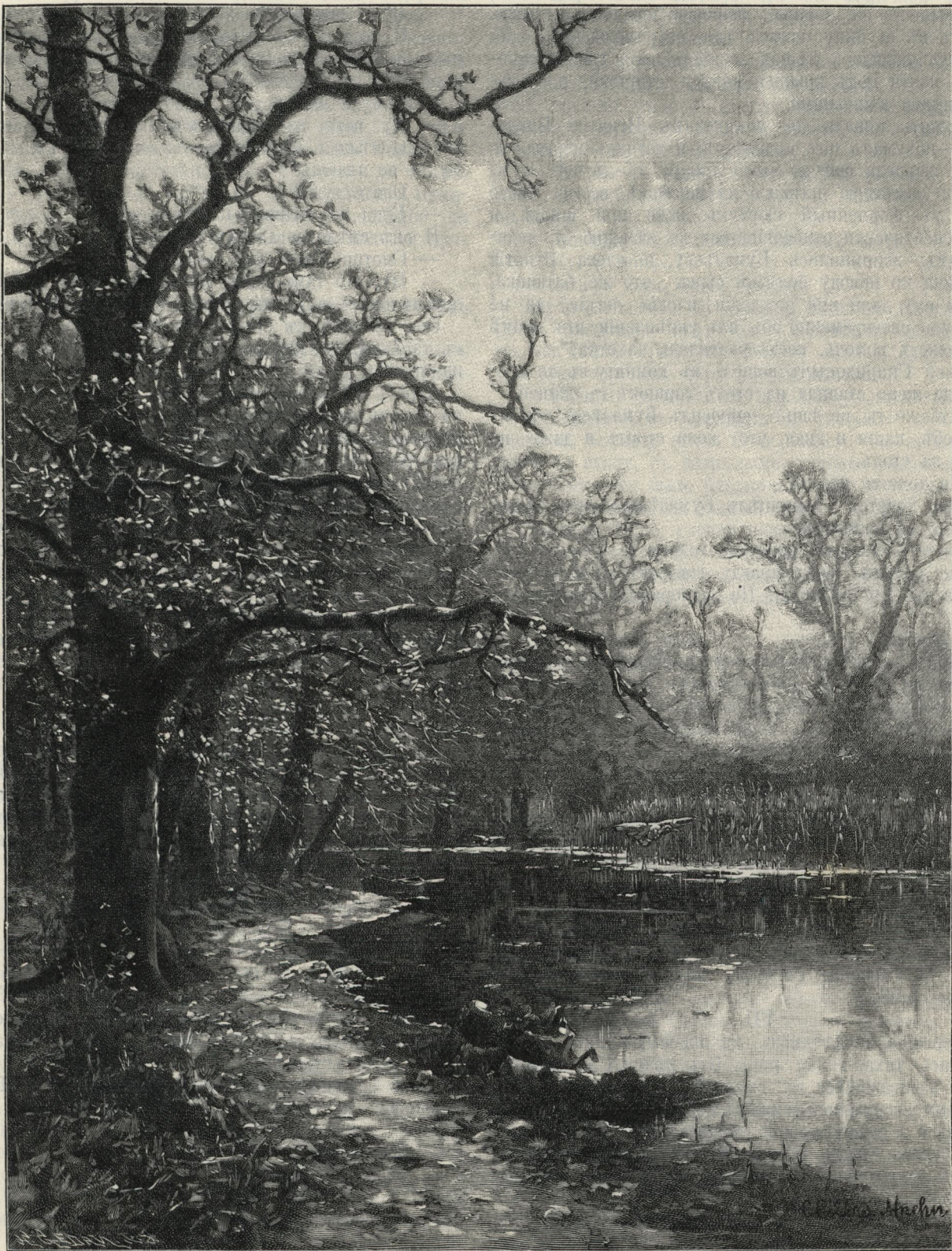
„Сглазили, не иначе какъ сглазили тебя, бѣднаго моего

сынка“,—съ злобой подумаль Веденей Спиридонычъ, и въ его памяти ярко возникъ образъ грязной растрепанной цыганки съ черными, подернутыми влагой, глазами...

„Отказаль тогда ей, отъ забора прогналь, грозилъ еще собаками травить, а онъ, Сеничка, тутъ же вер-

что сынокъ-то у тебя хорошій, здоровый, а ты попомнишь, дескать, меня, не на себѣ, ежели придется, такъ на дѣтяхъ! Ну, вотъ и пришлось... „на дѣтяхъ“... на Сеничкѣ! Сглазила проклятая цыганка!“

Сеня заворочался на кровати, какъ бы тревожимый присутствіемъ отца, потомъ началъ кашлять, мучительно



Начало осени. Картина К. Эйлерса, гравюра Гедана.

тѣлся, помнится, съ флюгеромъ какимъ-то бѣгалъ, и флюгеръ этотъ бумажный по вѣтру шумѣлъ, — очень это Сеничку забавляло... А она уставилась на ребенка своими проклятыми глазами и сказала... Чтѣ, бишь, она сказала? Не помнится въ точности, а что-то въ родѣ того,

и долго, и отъ кашля такъ ослабѣлъ, что не могъ даже подняться, чтобы выпить воды, и Вася поспѣшилъ приблизить къ его сухимъ губамъ кружку съ клюквеннымъ морсомъ.

Веденей Спиридонычъ вышелъ на дворъ. Тамъ, на-

единѣ съ самимъ собою онъ не могъ справиться съ набѣгавшими на глаза слезами, вынуть большой фулярый платокъ и приложить его къ лицу. Это былъ тяжелый, безмолвный плачь, тотъ плачь, отъ котораго мозгъ болѣзненно сжимается и сердце какъ бы рвется мучительно и медленно на кусочки.

Но никто не долженъ былъ видѣть не только слезъ, но даже ихъ слѣдовъ на лицѣ Веденей Спиридоныча, и онъ вышелъ на черное, дворовое крыльцо и сталъ смотрѣть въ глубину навѣса, гдѣ, нагроможденная одна на другую, валялась разная хозяйственная дрянь, увѣчанная, почти подъ крышей навѣса, старыми, полуразвалившимися пошевнями.

„Заложить лошадь да махнуть къ Игнатію Павловичу?“—подумалъ онъ о докторѣ, и тотчасъ передъ его глазами выросла фигура этого лѣкаря, 35-лѣтняго мужичины, съ замѣтною плѣшью на макушкѣ, всегда чисто одѣтаго въ форменный сюртукъ, даже при шпигѣ, и всегда скептически относившагося къ лѣченію и медикаментамъ; вспомнились Бумазѣву и слова Игнатія Павловича по поводу болѣзни сына: „что же, батюшка, если вы ему дали при рожденіи плохія легкія, да не заботились своевременно объ ихъ укрѣпленіи, кто, кромѣ Бога, можетъ помочь, когда развилась чахотка?“

Веденей Спиридонычъ вошелъ въ комнату въ то время, когда жена ставила на столъ горшокъ съ кашей.

— Что же ты не ѣшь?—спросилъ Бумазѣвъ, наложивъ себѣ каши и видя, что жена стоитъ и даже не садится за столъ.

— Не хочется что-то!

— „Не хочется!“—вскрикнулъ Бумазѣвъ:—что, каша-то, видно, не полугаръ?

Лизавета Семеновна опустила голову.

— Не любишь, когда правду говорятъ? Сынъ умираетъ, а ты что дѣлаешь? По задворкамъ, по кабакамъ бѣгаешь.

— Когда я...

— Молчи!—крикнулъ Веденей Спиридонычъ, стукнувъ кулакомъ по столу, но спохватившись, что можетъ услышать Сеня, понизивъ тонъ, прошипѣлъ:—не лги, не изворачивайся! Я все знаю! Знаю, къ кому и бѣгаешь! У меня съ нимъ, прохвостомъ, будетъ своя расправа, но и ты берегись! Не попадайся подъ злой часъ, не попадайся, смотри! Сынъ боленъ, а ты...

— Да что я у тебя, жена или кто?—не выдержала и вдругъ какъ-то выкрикнула Лизавета Семеновна:—а почему ты, иродъ, знаешь, можетъ, я потому и...

Какой-то сдавленный вопль вырвался изъ ея груди, и сквозь сдерживаемыя рыданія слышалось только:

— Что-жъ я... что-жъ я... не мать, что ли, ему?... Тебѣ жалко, а мнѣ нѣтъ... Да, можетъ, я изъ-за этого самаго... О, Господи, Господи, хоть бы прибралъ Ты меня поскорѣй!..

VII.

На деревню, полустанокъ, на окрестные лѣсъ и луга спускалась тихая-тихая ночь. Отъ рѣчки Славки, прихотливо извивавшейся въ высокой нескошенной травѣ и мѣстами сверкавшей темнымъ зеркаломъ своей темной, молчаливой и таинственной поверхности,—поднималась легкая пелена бѣлаго тумана. Гдѣ-то далеко-далеко, затерянная въ голубой безднѣ неба, чуть теплилась одинокая, робкая звѣздочка...

На эту звѣздочку, приходившуюся какъ разъ противъ комнаты Сени, послѣдній, сидя у раствореннаго окна, долго смотрѣлъ, потомъ вздохнулъ и прошелся раза два по комнатѣ. Сегодня весь день ему было лучше, настолько лучше, что онъ даже гулялъ вмѣстѣ съ Филистимловымъ въ лѣсу, откуда недавно вернулся.

Дверь скрипнула, и въ комнату вошелъ Вася.

— Ну, что?—съ живостью спросилъ Сеня.

— Ничего! До самаго полустанка проводилъ, все сзади шелъ, боялся, какъ бы не оглянулся да не увидѣть.

— Ну, что же?

— Прямо туда, къ рѣчкѣ поперѣ! И народу же, я тебѣ скажу! Словно гулянье какое! Вся наша мѣстность! Желѣзнодорожники почти всѣ, дачники, студентъ этотъ, знаешь, высокій такой, тонкій... еще его Камышомъ прозвали,—ну, онъ тутъ, съ барышней, конечно, потомъ учитель... какъ его имя, не знаю... Словомъ, можно сказать, все здѣшнее общество...

— И ты пойдешь?

— Я не туда!—опустивъ глаза, какъ бы сконфуженнымъ тономъ заговорилъ Филистимловъ:—что мнѣ тамъ... я не туда...

— А куда же?

— Ну, вотъ, тебѣ сейчасъ всю подноготную открой!—тихо засмѣялся Филистимловъ:—чего спрашиваешь-то? Будто не знаешь?

— Опять туда?

— Куда же больше! Конечно, туда!

И онъ смѣло заглянулъ ему въ глаза.

— Смотри, Вася, будь осторожнѣе!

— Ну, что тамъ еще!—весело тряхнулъ головою Филистимловъ:—я, братъ, ничего и никого не боюсь!

Онъ присѣлъ къ столику, подвинулъ къ себѣ коробку съ табакомъ и гильзами и принялся спѣшно набивать папирсы.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже шелъ по шоссе, по направленію къ станціи желѣзной дороги, весело насвистывая мотивъ какой-то модной пѣсенки и помахивая тростью съ свинцовымъ набалдашникомъ. Вдали потемнѣвшее поле замыкалось со всѣхъ сторонъ черной каймой лѣса, и чѣмъ ближе подходилъ Филистимловъ, тѣмъ все выше и темнѣе становилась эта кайма.

Филистимловъ чувствовалъ себя превосходно: тихое насвистываніе пѣсенки постепенно перешло въ мурлыканье, которое все ширилось, все усиливалось и наконецъ превратилось въ громкую пѣсню, красивыми, мощными звуками будившую заснувшую окрестность.

Ты звени, коса,
Коса острая,
Добрымъ молодцомъ
Наточенная...

пѣлъ Филистимловъ, самъ вдохновляясь своей пѣсней. Вдругъ онъ остановился и присмотрѣлся въ глубь лѣса. Тамъ среди темныхъ деревьевъ мелькнуло что-то бѣлое. Еще и еще, янѣе, и Филистимловъ разглядѣлъ женскую фигуру въ бѣломъ платочкѣ, прижавшуюся къ толстому и корявому стволу ели.

Самодовольная улыбка мелькнула на губахъ юноши, и онъ, уторопяя шаги, пошелъ навстрѣчу...

Сеня присѣлъ къ окну, вытянулъ длинныя ноги и сѣпилъ на груди костлявыми, блѣдными пальцами исхудавшія руки.

— Не слышно что-то!—пробормоталъ онъ:—открыть развѣ окно? Боязно! Ночь сырая, свѣжая... какъ бы опять не простудиться!

Дверь скрипнула, и на порогъ показалась Лизавета Семеновна въ темномъ старушечьемъ платкѣ на головѣ.

— Маменька!—позвалъ Сеня.

— Что, голубчикъ?—жалобнымъ тономъ отозвалась мать.

— Подойдите сюда, присядьте!.. Что же вы тамъ стоите!

— Да я что же... я сейчасъ... Какъ здоровице твое, Сенюшка?

— Немного лучше, маменька!

— Ну, и слава Богу! Богу нужно молиться, Сенюшка, никто, какъ Онъ, Творецъ-Вседержитель!

Она сѣла въ кресло, напротивъ сына, подперла ладонью лицо и, глядя на сына жалкими, убитыми глазами, изъ которыхъ незамѣтно скатывались на подбо-

родокъ слезинки, говорила тоже жалкимъ, убитымъ тономъ, слегка торопясь и путаясь, какъ это бываетъ съ алкоголиками.

— Богъ-то знаетъ!.. Я тебѣ не въ осужденіе, Сенюшка говорю, а знаешь... все-таки... Къ кому же и прибѣгнешь, у кого защиты найдешь!.. Въ Саратовскую бы къ угоднику съѣздить... ужъ такъ бы хорошо, такъ хорошо было! Такъ поди-жъ ты, сговоришься съ нашимъ-то... Попробуй заикнуться только... убьютъ! Ему что! Такой ужъ... безнаказанный. Право!

Что-то затаенное, злое промелькнуло по лицу старухи.

Привыкшій часто слушать жалобы матери, Сеня вздохнулъ и закрылъ глаза.

— Что, Сенюшка, заснуть, видно, хочешь? Усталъ, родной? А я-то болтаю!—всполошилась старуха.

— Нѣтъ, маменька, я спалъ довольно!—отвѣчалъ Сеня:—я такъ... что-то глазамъ тяжело... Я вѣдь, маменька, по ночамъ мало сплю... все больше днемъ... по ночамъ что-то не спится... Скучно... Радъ бы поговорить, да не съ кѣмъ...

— Ну, а какъ же, Сенюшка, насчетъ Саратовской? — наклонилась къ нему старуха: — какъ полагаешь, а? Ежели охота есть съѣздить, поговорилъ бы когда съ отцомъ? А? Можетъ, и отпустить...

Сеня раскрылъ большіе, ясные глаза и вдумчиво, проникновенно сталъ смотрѣть на мать...

— Нѣтъ, маменька,—началъ онъ медленно, спокойно, тономъ какой-то странной убѣжденности:—это не поможетъ...

— Какъ не поможетъ! Что ты, Сенюшка! — воскликнула старуха:—какъ ты можешь такъ говорить? Кто же тогда поможетъ, коли не Богъ...

— Никто, маменька!—твердо отвѣтилъ Сеня:—и Богъ, маменька, не поможетъ!..

На лицѣ старухи изобразилось что-то похожее на ужасъ: она какъ бы лишилась способности рѣчи и только смотрѣла на сына страшными вытаращенными глазами.

— Да, маменька, я вамъ правду говорю: не поможетъ Богъ и не захочетъ Онъ, и не нужно помогать!.. Потому, если всѣмъ такимъ больнымъ помогать, да стали бы они выздоравливать, то куда же дѣваться здоровымъ и тѣмъ, которые вновь нарождаются? Вонъ въ книжкахъ-то пишутъ, что рождается больше, нежели умираетъ, такъ и то ужъ избытокъ...

— Земли, скажешь, не хватитъ?—усмѣхнулась старуха:—тѣсно, думаешь, станеть? А ты мѣрялъ землю-то? Знаешь, сколько въ ней аршинъ?

— Не я, а люди знаютъ.

— Полно тебѣ, Сенюшка! Вотъ люди-то да книжки эти самыя, которыя читаешь, тебя и сбиваютъ. Безперечь за книгами сидишь, проминки никакой не имѣешь,—оттого и захворалъ!

— Нѣтъ, маменька, несправедливо все это.

— „Несправедливо, несправедливо“!—вспыхнула старуха:—былъ мальчикъ здоровенькій, крѣпенькій, какъ огурчикъ! До пятнадцати лѣтъ росъ,—родителямъ не налюбоваться! А тутъ, на-ко-съ, какая сухота пришла! Ученье это самое да книжки, ну, и извелся...

Старуха провела по глазамъ кончикомъ головного платка и пригорюнилась, подперевъ голову ладонями обѣихъ рукъ...

— Утѣшьтеся, маменька, не сѣтуйте, не горюйте!—заговорилъ Сеня, отнимая руки отъ ея головы и ласково заглядывая въ глаза:—вы набожный человекъ, маменька, знаете, что Богъ не велитъ роптать. Зачѣмъ роптать? А главное—дѣлу не поможешь. Чему быть, тому не миновать; что предопредѣлено Промысломъ Божиимъ, то и должно быть.

— И нисколько не лучше тебѣ, родному моему голубчику!—вехлинула старуха.

— Сегодня лучше!—сказалъ Сеня:—и слабость меньше, и дышать вольготнѣе. Почему знать, можетъ-быть, и поправлюсь, маменька.

— Да ужъ какъ бы это хорошо было, Сенюшка! Отпросились бы мы отъ отца да въ пустынь-то, въ пустынь, Сенюшка, а? Хорошо тамъ жить, спокойно, какъ у Христа за пазушкой!

— Нѣтъ, маменька, я бы, если бы поправился, въ пустынь все равно бы не поѣхалъ! Что мнѣ тамъ съ монахами? Они свое, а я свое, наше дѣло разное! Они тамъ грѣхи замаливаютъ, ну, и Господь съ ними, пусть, а я-то что съ ними? Я бы себѣ дѣло настоящее нашелъ, мірское дѣло!

— Какое такое мірское дѣло, Сенюшка? Не слыхала я что-то!

— Эхъ, маменька, долго рассказывать. Мірское дѣло, значить, общее, для всѣхъ людей, а не для одного себя. А такихъ дѣлъ на свѣтѣ, маменька, много: кои недо-дѣланы, а кои вовсе не дѣланы.

— Да это насчетъ чего, Сенюшка?—недоумѣвала старуха:—что-то ты непонятное говоришь!

— Насчетъ чего? Да всего, что кругомъ себя видимъ! Мало ли бѣдныхъ, обиженныхъ, обманутыхъ, мало ли слезъ проливается на свѣтѣ. Люди людей ѣдятъ, угнетаютъ.

— Такъ ужъ это, Сенюшка, споконъ вѣка повелось! Не нами эта неправда зачата, не нами кончится!

— Вотъ, маменька, всѣ такъ и разсуждаютъ. А какъ всѣ такъ разсуждаютъ, такъ никто не хочетъ рукъ приложить, чтобы дѣлу помочь! Что же, дескать, я передъ другими выдвигаться стану? А это нужно, маменька, непременно нужно!

— Что это нужно, Сенюшка?

— За людей стоять нужно, вотъ что!.. Нельзя сторониться да прятаться!..

„Охъ, ты, заступникъ!—подумала Лизавета Семеновна:—то-то ты вотъ за людей стоялъ, не сторонился, а толкъ-то какой? Пользу-то какую получил? Можетъ, изъ-за этой заступы еще пуще хворать сталъ. А не думалъ бы о другихъ людяхъ, не тревожился,—былъ бы здоровъ“.

Но сказать этого сыну она не рѣшилась. Она только подперла голову рукой и смотрѣла на него жалостливыми глазами.

— Вотъ еслибы, маменька, все такъ было на свѣтѣ,—продолжалъ развивать свою мысль Сеня:—всѣ бы стояли другъ за друга, помогали бы другъ другу,—такъ свободно и радостно было бы жить на свѣтѣ. Можетъ-быть, такъ бы потомъ устроилось, что не было бы бѣдности, горя, можетъ, и люди дольше жили бы на свѣтѣ.

— Какъ бѣдности не быть! Нельзя, Сенюшка!—заговорила мать:—Богъ лѣсу не уравнилъ, не токмо что людей.

— Эхъ, маменька, что вы говорите: то лѣсъ, а то люди! Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что поздно одумываются люди. Живутъ Богъ знаетъ какъ, безъ правилъ, какъ придется, а какъ поумнѣютъ да станутъ о своей жизни размышлять, какъ бы лучше, правильнѣе было жить, глядь—ужъ и старость пришла, или болѣзнь какая неизлѣчимая, времени-то поправить свою жизнь и нѣтъ, умирать надо!

— Что ты, Богъ съ тобой, Сенюшка! — испугалась старуха.

— Да я не о себѣ, маменька, я, можетъ-быть, еще поправлюсь и жизнь свою поведу, какъ надумалъ... Съ папенькой мнѣ только ужъ очень тягостно.

— Знаю, знаю, мой родной! Голубчикъ мой, Сенюшка! Она встала, подошла къ сыну и принялась разглаживать его волосы, приговаривая:

— Ишь, волосыньки-то твои слежались, спутались и виться-то перестали золотистые, ненаглядный ты мой! Сеня закрылъ глаза. Одушевленіе прошло, и яркій румянецъ, выступившій на землистыхъ щекахъ, началъ

Вышелъ свѣтель свѣтъ. Картина проф. Н. А. Кошелева, авт. «Нивы».



постепенно блекнуть. Старая, уравновѣшенная, убогоскучная жизнь напѣвала свою жалкую пѣснь безсилія и покорности судьбѣ...

VIII.

— Такъ какъ же это онъ? Такъ, значить, и согласился?—спрашивалъ Иванъ Полѣвковичъ у Сысой, съ торжествомъ поглядывавшаго на собутыльниковъ, устроившихъ маленькую выпивку передъ дѣльцемъ въ тѣсной и душной избенкѣ хромоногаго.

— Не очень-то согласился! Онъ, братъ, тоже не простой! Сдѣлай милость! Намедни говорилъ: „четвертного билета не пожалѣю!“ При всѣхъ вѣдь, братцы, говорилъ, а какъ до дѣла коснулось,—на пятишницѣ захотѣлъ отъѣхать!

— Онъ такой! Чтò и говорить! На посулѣ какъ на стулѣ!

— Ну, да, братъ, со мной много не поговоришь! Я вѣдь человѣкъ рѣшительный, сами, братцы, знаете! Такъ—такъ такъ, а не такъ—подай мой пятакъ.

— Оно конечно!—протянулъ Терентій Павловичъ:—немного не ко времени подошло-то...

— Чтò это?

— Да дѣло-то наше! Очень ужъ распалился Веденей, не до того ему теперь!

— Почему это? Какъ распалился?

— Да съ Павломъ-то Онисимовичемъ у него вышло.

— Чтò такое? Чтò вышло?

— Развѣ не знаешь?

— Какъ же! Почитай, на моихъ глазахъ вся музыка разыгралась.

— Ну, ну, чтò же?

И Иванъ Полѣвковичъ приклонилъ ухо, и на лицѣ его появилось выраженіе жаднаго любопытства человѣка, ожидающаго услышать нѣчто изъ ряда вонъ выходящее.

— Подрались! Пустое!—махнулъ рукою Сысой.

— Какъ „пустое“? Чтò ты, братъ! Вотъ такъ „пустое“: человѣка вчера въ больницу свезли: ни рукой, ни ногой. Вотъ-те и пустое!

— Да какъ же это? Ну? Ты видалъ, что ли?

— Какъ же не видать, коли я изъ-за угла вывернулся,—по Зеленой улицѣ шель, отъ сапожника, значить... вотъ тоже прохвость, третью недѣлю подметокъ не можетъ подбить.

— Это Тихонъ, что ли?—ввязался Сысой.

— Тихонъ. Кто же больше!

— Ну, онъ такой!

— Такъ какъ же, видалъ, говоришь?

— Какъ же, братецъ, не видать, ежели ворота настежь. Я было во дворъ сунулся, да, думаю, еще въ свѣдѣтели попадешь, ну ихъ къ Богу, пускай между собой разбираются, какъ знаютъ, — отошелъ, значить, въ сторону да и гляжу! А Веденей-то воюетъ во всю! „Ты, говоритъ, такой-сякой, мою старуху спаивать! Я тебѣ, говоритъ, такой-сякой, покажу, какъ людей спаивать! Я, говоритъ, тебѣ, такому-сякому, такой патентъ пропишу, вѣкъ не забудешь! Ишь ты, будто воздухомъ прѣхалъ сюда пользоваться! Знаемъ мы твой воздухъ! Безъ тебя, говоритъ, такой-сякой, довольно тутъ кабатчиковъ расплодилось, а и ты туда же, мерзавецъ!“ Тотъ-то, Барбарисовъ, ему мерзавца назадъ, а Веденей-то какъ сгрѣбъ его — трахъ объ землю, да ногами! Подняться не даетъ, — молотитъ! Тотъ-то, Павелъ Онисимовичъ, чуть привстанетъ, Веденей его опять разъ — съ ногъ долой. Конечно, Павелъ Онисимовичъ человекъ старый, больной, много ли ему нужно?

— Ну, а Лукерья-то? Чтò же она?

— Лукерья, говорятъ, къ господамъ на дачу ходила. Прислуга у ней тамъ знакомая, что ли, — подаль голосъ Сысой: — кабы Лукерья-то была, она бы не допустила!

— Чтò говорить! — согласился Терентій Павловичъ: — конечно, не допустила бы, это ужъ извѣстно! Сказываютъ, когда она приѣзжала, Лукерья-то, Павелъ Онисимовичъ совсѣмъ безъ дыханія лежалъ.

— Еще бы тебѣ! Вѣдь онъ здоровъ, Веденей-то! — замѣтилъ Иванъ Поліевктовичъ.

— Бугай, одно слово!

— Ну, какъ же потомъ-то?

— Ну, отлежался, сказываютъ, до дому кое-какъ добрелъ, а на утро ужъ и съ кровати не поднялся!

— А-а, ишь ты, какое дѣло!

— Да! Фельдшеръ со станціи былъ, такъ сказываютъ, что будто переломъ двухъ реберъ, — двухъ или трехъ, не знаю, говорили тутъ, — и поврежденіе груди...

— А-а! Вотъ оно чтò!

— Да! Такъ фельдшеръ-то насчетъ груди сомнѣвается, чтобы, значить, воспаления не было.

— Воспаленія? Вотъ оно дѣло-то какое! Ну Веденей! Какъ расправился!

— Да ужъ расправился, можно сказать, въ чистую!

Пріятели нѣкоторое время помолчали, потомъ вышли, закусили и опять помолчали.

— Такъ какъ же съ Веденеемъ-то? — спросилъ Иванъ Поліевктовичъ.

— Это насчетъ чего?

— Да насчетъ того, чтобы поймать.

— Ну, что же, на красненькой кончили! Только чтобы всѣмъ вмѣстѣ!

— Чтò это? Ловить, что ли? Къ чему же это?

— Для вѣрности, надо быть! — рѣшилъ Сысой: — чтобы всѣ въ отвѣтъ были, ежели не того поймаетъ.

Чудеса американской природы.

(Съ 2 рис. на стр. 604).

Новый Свѣтъ являетъ любопытнымъ туристамъ удивительные образчики своей оригинальной и богатой природы. Америка, открытая Колумбомъ болѣе четырехъ вѣковъ тому назадъ, донынѣ представляется страной, во многихъ отношеніяхъ не изслѣдованною и неизвѣстною для огромнаго большинства путешественниковъ, и современные туристы нерѣдко оказываются въ роли маленькихъ Колумбовъ, открывая новыя красоты и достопримѣчательности въ американской природѣ.

Особый интересъ представляютъ геологическія особенности этой страны. Въ настоящемъ № нашего журнала мы воспроизводимъ два любопытныхъ снимка, характеризующихъ геологическій пейзажъ Америки.

На одномъ изъ снимковъ мы видимъ скалу, вершина которой имѣетъ сходство съ человѣческой головой. Скала эта носитъ названіе «Мать Гренди» и находится въ такъ-называемомъ «Саду боговъ», у подножія Скалистыхъ горъ, въ Колорадо.

Ея оригинальный видъ, по всей вѣроятности, образовался вслѣдствіе отслоения камня: верхнія части скалы подъ вліяніемъ вѣтра и дождя обрушивались цѣлыми глыбами внизъ; но самая «голова»

— Ну, что же, нужно Веденеему услужить! — замѣтилъ Терентій Павловичъ: — постараемся, братцы!

— Отчего не постараться! — подхватилъ Иванъ Поліевктовичъ: — опять же и деньги не малыя! По трешницѣ на брата, да на пропой рубль!

— Рубля мало! Нужно четвертную!

— Ну, что же, можно и четвертную! Хлѣба, огурцовъ на закуску.

— Вотъ ты все это и оборудуй, и въ чайную къ Полоротову представи! А какъ представишь — къ намъ иди!

— На помогу, значить?

— На помогу! Да мы, надо быть, къ тому времени управимся.

— Ну, а деньги-то какъ же?

— На четвертную соберемъ, а хлѣба да огурцовъ въ лавкѣ въ долгъ возьмемъ! Давайте, братцы, на четвертную собирать! — крикнулъ Терентій Павловичъ: — давайте, нечего тамъ! Сысой, чего по угламъ прячешься? Выкладывай рублевикъ-то! Я вотъ свой бросаю, — на-те, черти!

Терентій Павловичъ съ размаху бросилъ на столъ серебряный рубль. Сысой потыкался по угламъ, порылся, ворча, въ какомъ-то тряпкѣ, слазилъ зачѣмъ-то на печку, заглянулъ за божницу, потомъ принесъ въ горсти и разложилъ на столѣ ветхую до неузнаваемости рублевую бумажку. Иванъ Поліевктовичъ вынулъ изъ кармана штановъ громадный кошелекъ, высыпалъ содержимое на столъ и отсчиталъ мелочью тоже рубль.

— Много водки! — вздохнулъ Сысой: — ахъ, много водки!

— Ладно! Не ты бы говорилъ, не мы бы слушали! Такъ что же, отправляешься, Иванъ Поліевктовичъ?

— Надо быть, что такъ! Къ Полоротову нести-то?

— Къ Полоротову тащи, да не забудь клитку прихватить, а самъ годи къ намъ!

— Ну, ладно! Вотъ не знаю, куда я шапку-то свою засунулъ.

— Да вонъ не твоя ли на лавкѣ валяется?

— Моя и есть.

Иванъ Поліевктовичъ вышелъ, а за нимъ, немного погодя, вышли и Терентій Павловичъ съ Сысоемъ.

И опять была тихая ночь. И отъ рѣки Славки поднимался, какъ тонкая кисея, бѣлый туманъ. Въ бирюзовомъ небѣ теплилась одинокая звѣздочка, и пѣлъ соловей... Только Веденей Спиридонычъ не слушалъ его на этотъ разъ, не до соловья ему было. У воротъ стоялъ загнанный, весь въ пѣнѣ, Чалый и тяжело поводитъ взмокшими боками, ширить ноздри и ловить ими благодатный прохладно-влажный воздухъ: и, лежа на своей кровати съ запрокинутой головой, Сеня тоже ширить ноздри, тоже ловить ими воздухъ, но тотъ воздухъ былъ застоявшійся, пропитанный запахомъ эфира и лѣкарствъ, испорченный дыханіемъ столпившихся здѣсь, перепуганныхъ людей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

скалы уцѣлѣла и теперь гордо красуется, на удивленіе туристовъ, на своей тонкой «шеѣ».

Упомянутый «Садъ боговъ» представляетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ геологическихъ достопримѣчательностей. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ чрезвычайно красивыхъ парковъ, расположенныхъ въ живописныхъ долинахъ, среди причудливыхъ скалъ. На мѣстѣ этихъ долинъ сотни лѣтъ тому назадъ, очевидно, были высохшія теперь озера.

Другой снимокъ изображаетъ группу скалъ на берегахъ р. Висконсина (притокъ р. Миссиссиппи). Эта рѣка, вытекающая изъ озера, протекаетъ между высокими скалами, образующими кое-гдѣ глубокия ущелья («delles», какъ ихъ называютъ въ той мѣстности). Скалы эти чрезвычайно характерны въ геологическомъ отношеніи и какъ бы сложены человѣческими руками изъ тонкихъ и ровныхъ плитъ.

Снимокъ сдѣланъ фотографомъ въ тотъ моментъ, когда его спутникъ перепрыгивалъ съ одной скалы на другую. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ не только чудо американской природы, но и чудо американской ловкости, неустрашимости и спорта.



Счастье.

(Китайская легенда).

А. С. Клеппера.

Въ жалкой, убогой деревушкѣ, на болотистомъ берегу рѣчки И-хо, жилъ молодой и благородный Янг-си, и всемогущій и милосердый Будда одарилъ его большимъ, яснымъ умомъ и сердцемъ голубя.

Янг-си страстно пожелалъ испить изъ великаго источника мудрости, и вотъ въ одинъ прекрасный день онъ покинулъ родную деревушку и отправился въ большой многолюдный городъ у Желтыхъ Водъ.

Въ этомъ великомъ городѣ жилъ самъ могущественный царь Поднебесной имперіи, обладавшій безчисленнымъ множествомъ золотыхъ дворцовъ, утонувшихъ въ зелени острововъ, среди озеръ.

Когда ночь окутывала своимъ покровомъ землю, по стальной темной поверхности водъ плавно скользили разукрашенные цвѣтами лодки, а прибрежная зелень блистала радужными огнями фонарей и факеловъ, и слышались дивные звуки таинственной музыки. Народъ тогда радовался, взиралъ на могущественнаго и счастливаго монарха, и забывалъ о своихъ собственныхъ бѣдствіяхъ.

Въ этомъ громадномъ счастливомъ городѣ было также несмѣтное количество мудрыхъ книгъ и много, очень много красивыхъ женщинъ.

Но Янг-си закрылъ предъ ними свое сердце, ибо ему сопутствовала, въ качествѣ жены, прекрасная дѣвушка. Дивной красоты и необычайной прелести была Ли-ко. Она была граціозна, какъ газель, нѣжна, какъ легкое дуновение зефира, и казалась созданной для радостей любви. Сама природа преклонилась предъ ней. При ея появлении птицы-щеветуны слетались къ стопамъ ея, а цвѣты склоняли свои разукрашенные головки.

Бѣдной и одинокой была до замужества Ли-ко. Янг-си взялъ ее къ себѣ въ жены и предоставилъ ей все, о чемъ мечтаетъ душа въ часы сновидѣній. Ли-ко полюбила его, и они были счастливы.

Въ большомъ городѣ Янг-си съ рвеніемъ предавался изученію мудрыхъ книгъ и рукописей. Слухи о его добродѣтели и познаніяхъ дошли до могущественнаго богдыхана, который приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ другомъ, несмотря на то, что Янг-си говорилъ всегда одну правду.

Добрый Будда послалъ имъ счастье. Но послѣ солнечныхъ дней благополучія наступили дни пасмурнаго бездожья.

Паза древняя, обезсиленная династія, и дымъ пожаровъ окутала безпредѣльное царство густой пеленой, сквозь которую прорывались лишь стоны и хрипѣніе умерщвляемыхъ, а на золотомъ тронѣ добраго богдыхана возсѣлъ глупый и кровожадный тиранъ.

Мудрый и благородный Янг-си потерялъ свои титулы, все имущество, покинулъ дымящійся развалины дворца и побрелъ въ родную, убогую деревушку на болотистомъ берегу рѣчки И-хо. И ничего у него не осталось, кромѣ неизмѣнно-прекрасной, какъ цвѣтокъ, Ли-ко.

Но сердце женское хрупко, какъ фарфоръ, и, какъ фарфоръ, требуетъ позолоты.

Черна и болотиста была земля поля Янг-си, а Ли-ко между тѣмъ обладала руками, мягкими и нѣжными, какъ цвѣтъ яблони весенней порой.

Пламенные и прекрасны были очи Ли-ко, но слезы нищеты и униженія горьки и солены.

Тяжелая, очень тяжелая была жизнь Ли-ко, а слова женщины въ дни горя и бѣдствій немилосердны и остры, какъ ножъ.

Все болѣе и болѣе блѣднымъ и грустнымъ становился Янг-си. И въ одинъ прекрасный, солнечный день Ли-ко ушла съ могу-

щественнымъ, богатымъ и счастливымъ любовникомъ, который обѣщалъ ей то, о чемъ мечтаетъ душа въ часы сновидѣній.

Янг-си вовсе ее не удерживалъ; еще упорнѣе принялся онъ за трудъ, еще болѣе углубился въ свои книги и рукописи.

Отъ неустанныхъ трудовъ потускнѣли его глаза, осунулись плечи, и побѣхла голова, а душа его въ одиночествѣ и скорби, подобно водѣ, пропущенной сквозь черный уголь и острый песокъ, стала ясной и чистой.

Молва о его мудрости и неземной добрѣтѣ распространилась по всему лицу Поднебеснаго царства.

Къ этому времени измученный народъ задумалъ сбросить съ себя ярмо кровожаднаго тирана.

И поднялся весь народъ, какъ одинъ человѣкъ; сильный и разъяренный, онъ прогналъ злого властителя, и на золотистомъ тронѣ поверженныхъ, когда-то мощныхъ династій возсѣлъ избранникъ народа, скорбный мудрецъ съ сердцемъ голубя—Янг-си.

И снова въ цвѣтущихъ кустахъ магнолій пылали пурпурные факелы, и радужными огнями горѣли дворцы на островахъ.

По темной поверхности водъ плавно скользили убранная цвѣтами лодки. Изъ гуши зелени неслись дивные звуки музыки, а на золотистомъ тронѣ въ тиши дворца, въ вѣніяхъ безцѣнныхъ ароматовъ, думала свою печальную думу могущественный и грустный властелинъ. Онъ размышлялъ о дняхъ одиночества и скорби, мечталъ о счастьѣ, мимолетномъ, какъ вѣшнія воды, обманчивомъ и призрачномъ, какъ миражъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ вернулась къ нему прекрасная, какъ цвѣтокъ, Ли-ко.

Она остановилась передъ трономъ и сказала голосомъ трепетнымъ и сладкимъ, какъ звукъ арфы въ тиши ночной:

— Я снова передъ тобою, Янг-си! Прекрасная, какъ майскій цвѣтокъ, и грустная, какъ вечерняя мгла. Я виновна, но вспомни о нашей взаимной любви, о ея радостяхъ. Погляди въ мои глаза, тамъ ты еще найдешь отраженіе твоей прекрасной души, а на устахъ моихъ ты разыщешь слѣды твоихъ поцѣлуевъ. Тоска терзала мою душу, и вотъ я снова возлѣ тебя, ибо душа женщины, какъ цвѣтокъ для солнца, открывается для великаго мужа. Ты могущественъ и милостивъ. Да унесетъ злой вихрь всѣ наши грустные воспоминанія! О, Янг-си, возврати—возврати же мнѣ твою великую любовь, открой мнѣ твою душу!—съ мольбой отчаянія зывала несчастная Ли-ко, припадая къ подножью трона.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ онъ, загадочно улыбаясь.—А теперь, прекрасная Ли-ко, подай мнѣ вотъ эту серебряную чашу съ прохладительнымъ напиткомъ.

Ли-ко поспѣшно подала чашу, но, когда Янг-си коснулся ея, чаша въ его рукъ внезапно склонилась на бокъ, и питье пролилось на узорчатый полъ.

— Спѣши же, Ли-ко,—воскликнулъ Янг-си:—собери мнѣ по каплямъ пролитое питье, такъ чтобы чаша вновь была полна.

Старательно и кропотливо собирала Ли-ко по каплѣ пролитую влагу, но наконецъ больше не могла собрать. Растерянно взглянула она въ чашу. На днѣ серебрянаго сосуда видѣлось немного мутной жидкости...

— И ты желала,—усмѣхнулся грустно Янг-си:—ты желала, чтобы я возвратилъ тебѣ мою любовь?..

Опустились руки у Ли-ко, и задумалась она о томъ, что счастье мимолетно, какъ вѣшнія воды, обманчиво и призрачно, какъ миражъ...



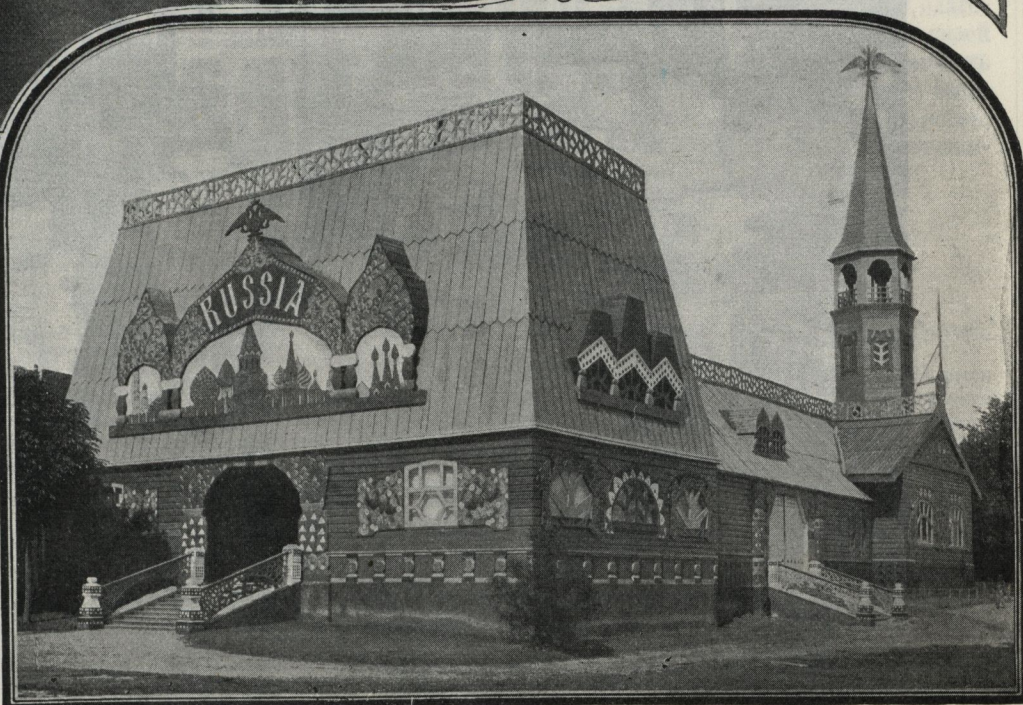
Международная
выставка
въ Миланѣ.
Павильонъ
русского
отдѣла.



Лѣсной отдѣлъ.

Кустарный отдѣлъ.

Русскій павильонъ на Между-
народной выставкѣ въ Миланѣ, по-
строенный по ри-
сункамъ вольнаго
художника А. Н.
Дурново.



Ищите красоту!..

«Красота въ упоительныхъ грѣзахъ...»

Т. А. Щеткина-Кутерникъ.

Ищите красоту въ лазурномъ небосклонѣ,
 Ищите красоту въ сіяніи лучей,
 Ищите красоту въ ручья прозрачномъ лонѣ
 И въ пышной широтѣ раскинутыхъ вѣтвей...
 Ищите красоту въ подураскрытыхъ розахъ,
 Что вамъ дарить, смѣясь, веселый свѣтлый
 май.
 Ищите красоту въ невятныхъ ночи грѣзахъ,

Что переносить васъ въ любви волшебный
 край...

Ищите красоту во всемъ, что жизнь при-
 носить,

И не гнушайтесь обманчивой мечты...

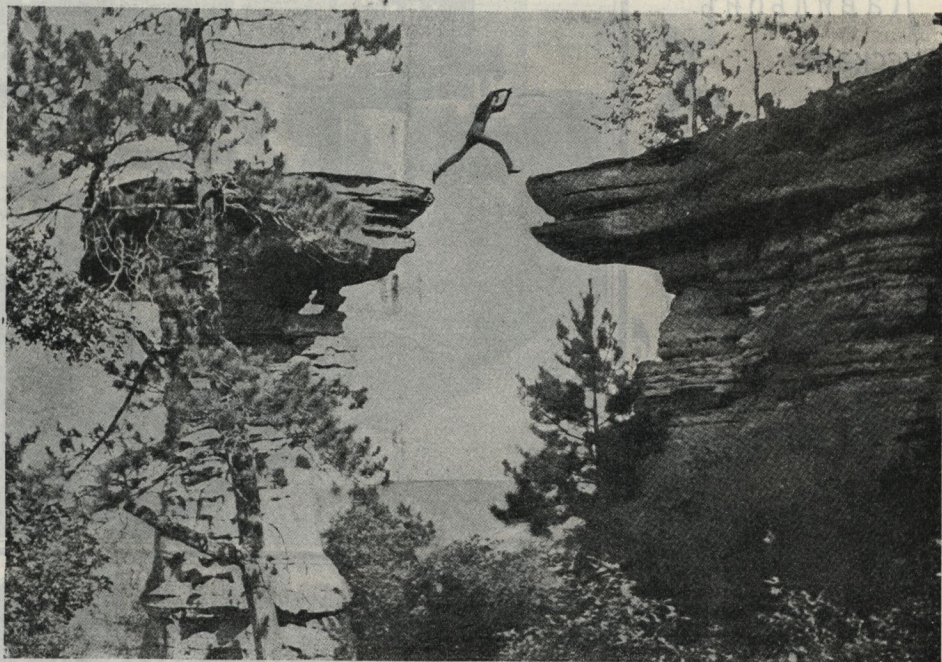
И тотъ, кому судьба хотъ каплю счастья бро-
 сить —

Обязанъ дать въ отвѣтъ хотъ каплю красоты!..

Евгеній Геркенъ.



Чудеса американской природы.
 Скала въ «Саду боговъ», носящая
 названіе «Мать Гренди» и имѣю-
 щая форму человѣческой головы.



Чудеса американской природы. Скалы. Опасный прыжокъ.



Внутренній видъ отдѣленія Императорской гранильной фабрики.
 Международная выставка въ Миланѣ. Павильонъ русскаго отдѣла.

Россія и западные славяне.

(Политическое обозрѣніе).

Въ политической жизни, какъ и въ физическомъ мірѣ, наиболѣе сильный напоръ всегда направляется въ сторону наименьшаго сопротивленія. Вотъ почему ничего не можетъ быть убыточнѣе для государствъ, какъ утрата репутаціи, могущества и силы. Слабость сама служитъ источникомъ многихъ опасностей, такъ какъ усиливаетъ враждебную предпримчивость пользующихся случаемъ сосѣдей. Повидимому, именно въ такое печальное положеніе попала Россія послѣ тяжелыхъ манчжурскихъ поражений.

Мечты государственныхъ дѣятелей недавняго прошлаго о промышленно-политическомъ завоеваніи Манчжуріи и Квантуна, осыпаннаго золотымъ дождемъ по мановенію руки бывшаго министра финансовъ С. Ю. Витте, привели къ умаленію роли Россіи, какъ великой славянской державы въ Европѣ. Къ политической реализаціи нашихъ манчжурскихъ неудачъ мы только-что еще начинаемъ приступать. Она сказывается въ томъ новомъ оборотѣ, который принимаютъ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, въ Персіи и на всей нашей восточной границѣ.

Австро-Венгрія серьезно подумываетъ о формальномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины и въ этихъ видахъ пыталась устроить торжественную побѣдку престарѣлаго императора по оккупированнымъ провинціямъ. Турція, воспользовавшись греко-болгарскими раздорами, собиралась разгромить маленькую Болгарію, мобилизуя втихомолку на ея границѣ значительныя военныя силы. Всѣ турецкіе гарнизоны въ Македоніи заблаговременно были усилены. Большіе воинскіе поѣзда въ 20—40 вагоновъ спѣшно отправлялись изъ Константинополя къ сѣверной границѣ съ войсками, орудіями, лошадами и военными припасами. Нѣмецкая дружба ускорила отправку скорострѣльныхъ крупновскихъ орудій, и они уже находятся

на мѣстахъ въ западныхъ вилайетахъ, готовые встрѣтить своимъ сокрушительнымъ огнемъ натискъ болгарскихъ дружинъ.

Греческіе агитаторы въ распространенномъ по всей странѣ воззваніи «народа къ королю» призываютъ свое правительство къ завоеванію южной части полуострова и властно требуютъ, чтобы «король сталъ во главѣ 2½-милліоннаго народа и пошелъ на освобожденіе 8-ми милліоновъ поработенныхъ соотечичей въ Румеліи и Македоніи».

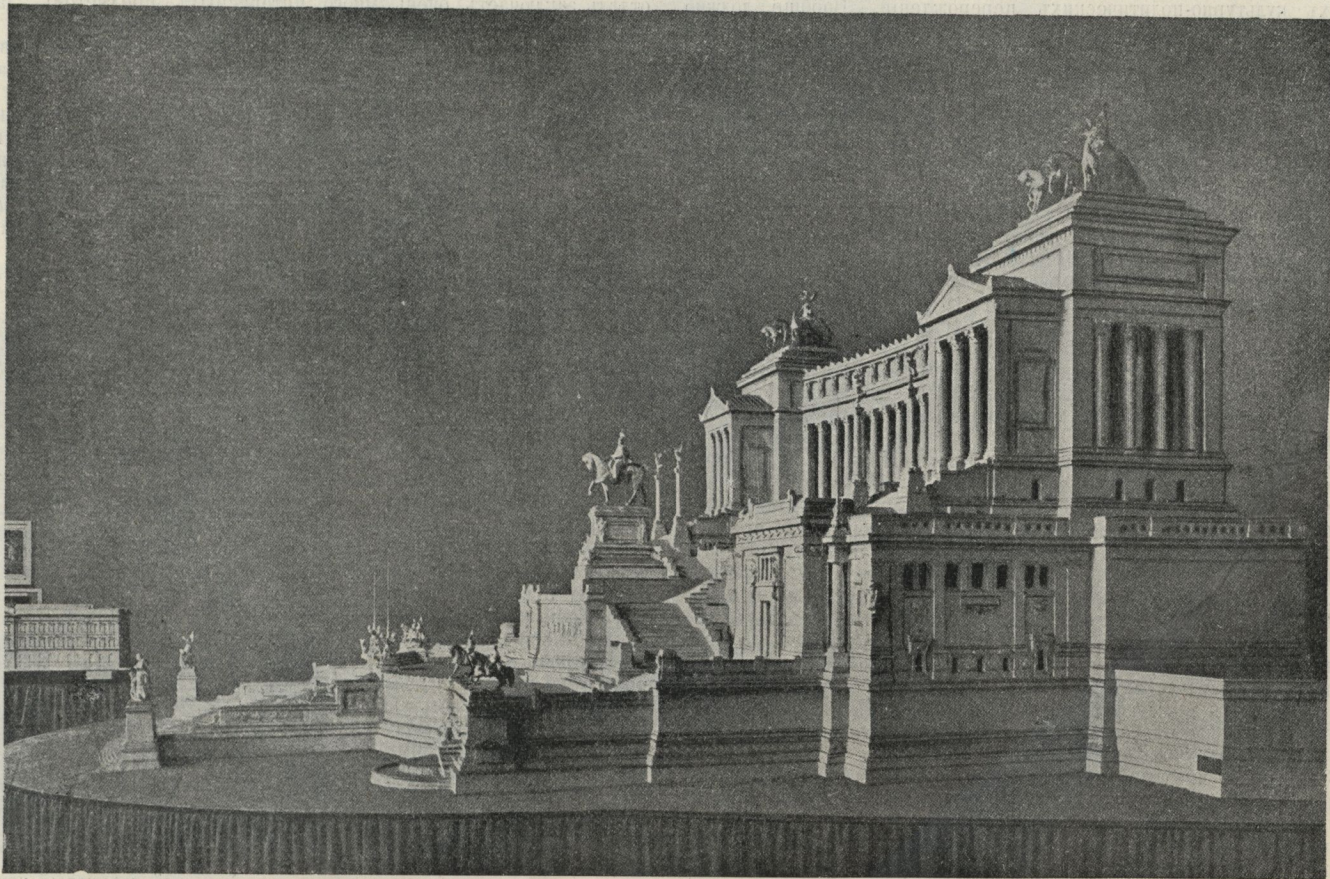
Пока что, во многихъ мѣстностяхъ Болгаріи и Македоніи идетъ мелкая взаимная рѣзня болгаръ и грековъ, взаимное сожженіе деревень съ уничтоженіемъ мирнаго, чуждаго всякой политики, населенія. И у Россіи нѣтъ силы властнымъ словомъ прекратить всѣ эти безобразія, она вынуждена быть пассивною свидѣтельницею хаотическаго рѣшенія судьбы Балканскаго полуострова, обильно политато кровью ея сыновъ 30 лѣтъ назадъ. Она лишена возможности выступить въ роли могучей защитницы славянъ, заявить рѣшительный протестъ противъ закладѣнія Австріей чисто-славянскими областями и грознымъ окрикомъ остановить поплзновенія жаднаго насильничества. Таковы печальныя итоги прошлыхъ ошибокъ.

Народы и государства имѣютъ свою судьбу. Россію конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія судьба лишила выдающихся и талантливыхъ государственныхъ дѣятелей, вѣрныхъ національному началу. Въ то время какъ Германія, руководимая гениальнымъ княземъ Бисмаркомъ и смѣнившимъ его молодымъ императоромъ, успѣла воскреснуть

изъ пепла и вырости въ великую мировую державу, Россія, обезсиленная долговременнымъ застоємъ и внутренней безысходной борьбой, забывшая свое великое мировое призваніе, руководимая и во внѣшней и во внутренней жизни не ясно продуманною историческою идеей, а какими-то смутными, взаимно-противорѣчивыми и дѣтски-сбивчивыми порывами, незаметно утратила свое первенство и сошла въ разрядъ лишенныхъ голоса пѣвцовъ евро-



Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій. (По поводу 50-лѣтія оперы „Русалка“).



Проектъ памятника королю Виктору-Эммануилу II (въ Римѣ).
Международная выставка въ Миланѣ.



Бывший с.-петербургский генерал-губернатор, потом дворцовый комендант, свиты Его Величества генерал-майор Д. Ө. Трепов († 2 сентября с. г.).

для народностей, сохраняющих свое национальное самосознание, а что самосознание австрийских славян не заглушено чужеродною культурою—объ этомъ всего краснорѣчивѣе свидѣлствуетъ та политика вынужденныхъ уступокъ чехамъ и славонцамъ, на которую въ концѣ концовъ пошло само австрийское правительство. Православное и магометанское население оккупированныхъ областей энергично протестуетъ противъ присоединения ихъ къ Австріи. Но если даже, благодаря временному безсилію Россіи, это присоединение и случится, въ томъ нѣтъ еще большой бѣды для славянства, такъ какъ оставить нѣсколько милліоновъ босняковъ и герцеговинцевъ въ гражданско-безправномъ состояніи правительству ни въ какомъ случаѣ не рѣшится, а надѣленіе ихъ гражданскими правами еще больше усилитъ численное преобладаніе славянства.

Такимъ образомъ, вмѣсто поглощенія Австріею славянства, можетъ произойти въ дѣйствительности нѣчто какъ разъ обратное: поглощеніе Австріи славянствомъ. Завоевательница станетъ достойнымъ завоеванныхъ, побѣдитель очутится во власти побѣжденныхъ. Исторія не однажды бывала свидѣтельницею такихъ неожиданныхъ культурно-политическихъ перерожденій. Вообще должно признаться, что дѣла западнаго славянства вовсе не такъ безнадежно плохи, какъ можно было бы ожидать, судя по общему направленію русской дипломатіи.

Пятидесятилѣтіе «Русалки» Даргомыжскаго.

(Портретъ композитора на стр. 605).

Лучшей оперѣ Даргомыжскаго исполнилось истекшимъ лѣтомъ полстолѣтіе: 4-го мая 1856 г. «Русалка» впервые была поставлена на Императорской сценѣ. Ободренный успѣхомъ «Эсмеральды», написанной на французское либретто, составленное самимъ Викторомъ Гюго изъ романа «Notre Dame de Paris» и переведенное Даргомыжскимъ, нашъ композиторъ еще въ 1848 г. принимается за «Русалку» Пушкина, но работа идетъ малоуспѣшно, чему способствовали, между прочимъ, отказъ дирекціи въ приѣмѣ на сцену оперы-балета «Горьество Вахха». Чрезъ нѣсколько лѣтъ однако работа закипѣла, и по слѣдующему отрывку изъ письма Даргомыжскаго къ кн. Одоевскому мы узнаемъ весьма цѣнные свѣдѣнія объ этой оперѣ, характеризующія направленіе автора въ его новомъ трудѣ.

Лѣтомъ 1853 г. Даргомыжскій писалъ: «Пока вы въ Выборгѣ наслаждаетесь сельскими удовольствіями, я здѣсь тружусь надъ своей «Русалкой». Что больше изучаю наши народныя музыкальныя элементы, то больше открываю въ нихъ разнообразныхъ сторонъ. Глинка, который одинъ до сихъ поръ далъ русской музыкѣ широкій размѣръ, по-моему, затронулъ еще только одну сторону—сторону лирическую. Драма у него слишкомъ заунывна, комическая сторона теряетъ національность. Говорю о характерѣ его музыки, потому что фактура у него вездѣ превосходная. По силѣ и возможности я въ «Русалкѣ» своей работаю надъ развитіемъ нашихъ драматическихъ элементовъ. Счастливъ буду, если успѣю въ этомъ хотя въ половину противъ Михаила Ивановича Глинки; очень буду доволенъ, если и вы, по возвращеніи вашемъ, приложите къ труду моему печать вашего одобренія».

Это письмо чрезвычайно важно, такъ какъ въ немъ композиторъ высказываетъ свои задачи: онъ не довольствуется одной лирической стороной; ему нужна драма не заунывная и комизмъ національный; въ этомъ дѣйствительно характеръ «Русалки», въ которой мы видимъ, что рядомъ съ «лирической стороной» господствуетъ выработанный «мелодическій речитативъ», творцомъ котораго является у насъ Глинка; это не итальянскіе «recitativi secchi», а сжато выраженные мелодическія фразы, весьма мѣтко

отбѣняющія чувства и настроенія дѣйствующихъ лицъ. Затѣмъ онъ обращаетъ серьезное вниманіе на музыкальную характеристику героевъ, которая у него выражается не казенными, разъ навсегда придуманными, коротенькими тактами въ родѣ вагнеровскихъ Leitmotiv'овъ, а музыкальными фразами, вытекающими изъ характера даннаго лица, будетъ ли его положеніе драматическое или комическое.

Такая опера, конечно, сразу не могла понравиться публикѣ тогдашняго времени, воспитанной на итальянскихъ операхъ и привыкшей къ первокласснымъ пѣвцамъ, въ сравненіи съ которыми русскіе, конечно, отходили на третій планъ; во всемъ этомъ удивительнаго ничего нѣтъ, и «Русалка» успѣха не имѣла на первыхъ порахъ. Мы вполне понимаемъ недовольство автора, высказанное имъ въ извѣстномъ письмѣ къ Кармалиной, въ которомъ онъ жалуется на театральную дирекцію, плохо обставившую его произведеніе въ смыслѣ артистическихъ силъ, и на общество, ищущее лстивыхъ для слуха мелодій («я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку для забавы»). Непонятно только недовольство композитора «газетными писаками»: едва ли вообще можно было въ то время говорить серьезно о музыкальной критикѣ; но тѣ, которые занимались этимъ дѣломъ, отнеслись къ новой оперѣ даже пристрастно въ хорошую сторону; припомнимъ хотя бы статьи Сѣрова о «Русалкѣ», которую онъ ставитъ выше «Жизни за Царя», или воспоминанія Юрія Арнольда, весьма дружелюбно относившагося къ Даргомыжскому.

В. Баскинъ.

Международная выставка въ Миланѣ.

(Съ 5 рис. на стр. 603, 604 и 605).

Весною текущаго года въ Миланѣ открылась международная выставка, въ которой участвуютъ почти всѣ государства Европы. Даже Россія, несмотря на свое внутреннее тяжелое положеніе, приняла участіе въ этомъ праздникѣ европейской индустріи и европейскаго искусства и фигурируетъ на выставкѣ цѣлымъ рядомъ интересныхъ и характерныхъ въ національномъ отношеніи экспонатовъ.

Русскій отдѣлъ занимаетъ на выставкѣ, сравнительно, немного мѣста, но составленъ толково и съ большимъ вкусомъ. Съ вѣнчистой стороны онъ привлекаетъ вниманіе художественной и стильной обстановкой, сразу напоминающей посетителю, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло съ далекой сѣверной страной—страной деревянныхъ избъ, рѣзныхъ коньковъ и златоглавыхъ кремлей. Павильонъ русскаго отдѣла построенъ по рисункамъ художника А. Н. Дурново, принимавшаго, между прочимъ, ранѣе такое же участіе въ устройствѣ русскаго отдѣла на послѣдней Парижской выставкѣ.

Въ русскомъ отдѣлѣ въ качествѣ экспонатовъ фигурируютъ дивныя работы императорской гранильной фабрики, затѣмъ произведенія нашихъ знаменитыхъ, уже хорошо извѣстныхъ и за границей кузнецовъ и продукты обширнаго лѣсного хозяйства Россіи. Этотъ отдѣлъ заключаетъ очень много интересныхъ предметовъ, дающихъ ясное представленіе о нашемъ лѣсномъ богатствѣ.

Другія государства даютъ о себѣ еще болѣе ясное представленіе, но всего полнѣе, конечно, на выставкѣ представлена сама Италія.

Недавно выставку постигло крупное несчастье: на ней вспыхнулъ огромный пожаръ, совершенно уничтожившій нѣкоторые изъ наиболѣе цѣнныхъ и интересныхъ ея отдѣловъ. Между прочимъ погибъ въ огнѣ отдѣлъ архитектуры съ великолѣпными образчиками современнаго итальянскаго зодчества и скульптуры. А среди этихъ образчиковъ погибла модель готовящагося памятника королю Виктору-Эммануилу II (въ Римѣ).

Модель эта привлекала всеобщее вниманіе, отличалась замѣчательнымъ совершенствомъ и художествомъ формы. Итальянцы, вообще, отличаются въ скульптурѣ. Не говоря уже о грандіозныхъ монументахъ, украшающихъ городскія площади, простые кладбищенскіе памятники невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе: ни на одномъ изъ европейскихъ кладбищъ нельзя найти такихъ дивныхъ по замыслу и выполненію памятниковъ, какъ на итальянскихъ «Campo Santo».

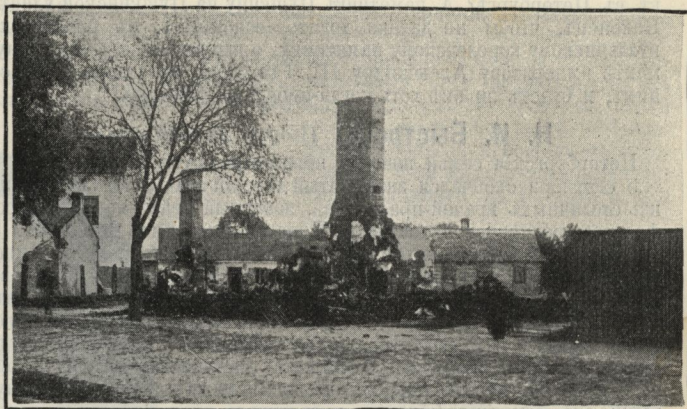
Погибшая модель памятника итальянскому королю являлась прообразомъ не менѣе великолѣпнаго монумента. Невольно вспомнимъ о нашихъ неудачныхъ скульптурныхъ попыткахъ—и досада беретъ при этомъ воспоминаніи! Во что, на примѣръ, вылилось прекрасное по своему существу намѣреніе поставить памятникъ Глин-



Вновь назначенный дворцовый комендантъ, свиты Его Величества генерал-майоръ В. А. Дедюлинъ.



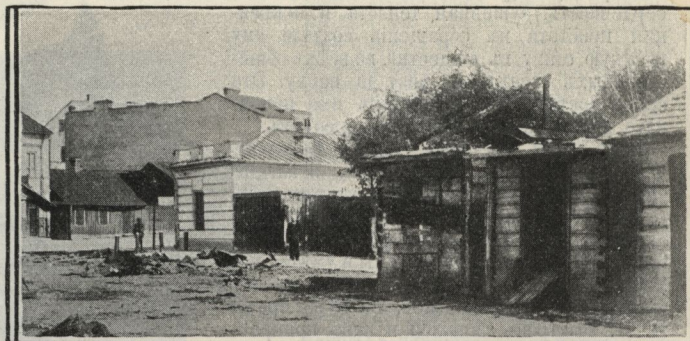
Католический костел—убжище жителей отъ выстрѣловъ.



Разграбленный и сожженный домъ на Долгой улицѣ. Въ этомъ домѣ убито семь человѣкъ.



Разграбленные и сожженные лавки на Базарной площади.



Разграбленный и сожженный домъ на Аллейной улицѣ.



Домъ, разбитый выстрѣломъ изъ орудія за двѣ недѣли до погрома. Изъ него была брошена бомба въ голицеймейстера Гольцева.



Перевязка раненаго въ больницѣ.



Разграбленный магазинъ часовъ на Варшавской улицѣ.



Улица около магистрата и полицейскаго управленія, населенная исключительно евреями. Квартіры и лавки разграблены.



Внутренность дома, разбитаго изъ орудія за двѣ недѣли до погрома. Изъ него была брошена бомба въ полицеймейстера Гольцева.



Раненые въ еврейской больницѣ.

къ въ Петербургѣ? А памятникъ Пушкину на Пушкинской улицѣ? Наконецъ, чтобы не далеко ходить, вспомнимъ, въ pendant къ итальянскому королевскому памятнику, о готовящемся у насъ монументу императору Александру III. Гдѣ этотъ монументъ и что съ нимъ, и будетъ ли онъ хоть когда-нибудь воздвигнутъ?

Н. И. Быстровъ. (Портр. на этой стр.).

Петербургскія семьи понесли невознаградимую утрату. 5 сентября скончался знаменитый дѣтскій врачъ, популярнѣйшій изъ столичныхъ врачей-практиковъ, почетный лейбъ-медикъ и профессоръ медицинской академіи, Николай Ивановичъ Быстровъ.

Нежданная кончина этого замѣчательнаго челоѣка, несомнѣнно, вызоветъ глубокую скорбь у всѣхъ, кто его зналъ. Н. И. Быстровъ былъ не только замѣчательнымъ врачомъ, но и — повторяемъ — замѣчательнымъ челоѣкомъ. Онъ обладалъ неистощимой добротою, отзывчивостью и рѣдкостью для прославленнаго (и поэтому всегда очень занятого) практика-специалиста доступностью. Для покойнаго не существовало никакого различія между дворцами и лачугами: онъ одинаково охотно протягивалъ руку помощи и царедворцамъ и простымъ смертнымъ, и не отказывался пріѣзжать по первому зову въ неизвѣстныя ему бѣдныя семьи. Удивительная сердечность, душевная теплота и искренняя простота въ обращеніи создали ему громкую славу въ обществѣ, во всѣхъ общественныхъ слояхъ — съ низу до верху. Эта сердечность теперь окружаетъ имя покойнаго поистинѣ немеркнущимъ ореоломъ.

Какъ врачъ и ученый, Н. И. Быстровъ давно уже занялъ выдающееся, исключительное мѣсто. Превосходный знатокъ дѣтскаго организма, онъ былъ почти непогрѣшимымъ діагностомъ въ дѣтскихъ болѣзняхъ, и его врачебные совѣты и умѣлая помощь спасли отъ напрасной гибели не одну тысячу маленькихъ жизней. Въ то же время Н. И. Быстровъ славился и какъ прекрасный педагогъ; и въ качествѣ профессора медицинской академіи онъ подготовилъ къ практической дѣятельности немало хорошихъ дѣтскихъ врачей.

Покойный родился въ 1841 году. Воспитанникъ Медико-Хирургической академіи, онъ уже съ 1868 года сталъ работать въ ея стѣнахъ на научно-педагогическомъ поприщѣ, сначала въ должности ассистента дѣтской клиники, а позднѣе — профессора по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней.

Одновременно съ этимъ Н. И. Быстровъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и министерству Двора.

Въ своей обширной практикѣ онъ произвелъ цѣлый рядъ цѣнныхъ наблюдений и изслѣдованій дѣтскихъ болѣзней. Наиболее распространенныя изъ нихъ (коклюшъ, оспа, болѣзнь желудка) послужили ему матеріаломъ для газетныхъ статей.

Находя, что источникомъ многихъ дѣтскихъ заболѣваній является школа, Н. И. Быстровъ явился ревностнымъ поборникомъ новой рациональной школьной гигиены.

Покойный былъ предсѣдателемъ совѣта Общества дѣтскихъ врачей и однимъ изъ инициаторовъ учрежденія Общества попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ. Въ послѣдніе годы Н. И. Быстровъ состоялъ директоромъ Меевдѣвскаго пріюта и врачомъ больницы Покровской общины сестеръ милосердія.

Скончался онъ 65 лѣтъ отъ болѣзни сердца. Скончался совершенно неожиданно для окружающихъ, потому что, отличаясь огромнымъ ростомъ и сильнымъ сложеніемъ, Н. И. Быстровъ производилъ до самаго послѣдняго времени впечатлѣніе физически здороваго челоѣка. Но на дѣлѣ у него уже давно страдали легкія и сердце, и роковая развязка давно приближалась къ нему. И вотъ, неожиданно-негадано для тысячи маленькихъ жизней, 5-го сентября прекратилась одна большая, прекрасная жизнь...



Почетный лейбъ-медикъ, профессоръ
Н. И. Быстровъ († 5 сентября с. г.).

Немедленно вслѣдъ за кончиной Н. И. Быстрова въ газетахъ появился цѣлый рядъ чрезвычайно прочувствованныхъ писемъ, посвященныхъ его памяти, съ предложеніемъ основать въ память покойнаго дѣтскую больницу его имени. И надо надѣяться, что эти приглашенія не останутся пустымъ звукомъ.

Четыре темперамента. (Рис. на стр. 593).

Что такое темпераментъ?

Древніе естествовѣды, начиная съ Гиппократы, относили это понятіе къ области естествознанія и наличность того или другого темперамента ставили въ зависимость отъ преобладанія въ челоѣческомъ организмѣ той или другой жидкости. Въ старину такихъ жидкостей насчитывали четыре: кровь, флегма (водянистая жидкость), желчь и черная желчь. И вотъ преобладаніе крови, по ученію древнихъ врачей, давало темпераментъ сангвиника, избытокъ желчи — холерика, черной желчи — меланхолика и флегмы — флегматика.

Термины эти сохранились доннынѣ, хотя и въ совершенно иномъ значеніи. Теперь эти понятія уже не ставятся въ зависимость отъ какихъ-либо жидкостей и разсматриваются скорѣе какъ психологическіе термины. Не слѣдуетъ однако смѣшивать понятіе о темпераментѣ съ понятіемъ о характерѣ. Темпераментъ, несомнѣнно, коренится въ физическомъ строеніи организма и является врожденнымъ свойствомъ челоѣка. «Характеръ же, — по выраженію одного психолога, — это кристаллизція привычекъ вокругъ зерна — темперамента».

Прежніе термины «холерикъ», «сангвиникъ», «меланхоликъ» и «флегматикъ» понимаются теперь въ связи съ характеромъ челоѣка. Каждый характеръ складывается изъ трехъ качествъ: впечатлительности, склонности къ дѣятельности и разсудочности (созерцательности).

Преобладаніе склонности къ дѣятельности даетъ типъ сангвиника. Равнобѣрное развитіе всѣхъ качествъ создаетъ типъ уравновѣшеннаго челоѣка, а притупленіе ихъ (тоже равнобѣрное) — типъ флегматика. Наконецъ болѣзненное развитіе (гипертрофія) созерцательности и впечатлительности даетъ болѣзненные типы ипохондрика и меланхолика.

Въ литературѣ можно указать яркіе типы этихъ характеровъ-темпераментовъ. Такъ, у Шекспира, Гамлетъ является меланхоликомъ, Фальстафъ — сангвиникомъ, Лаэртъ — холерикомъ (ипохондрикомъ).

Оригинальная картина нѣмецкаго художника Эд. Грюцнера изображаетъ эти типы въ образѣ четырехъ монаховъ.

«Вышелъ съятель съять». (Рис. на стр. 600).

Художникъ, проф. Н. А. Кошелевъ началъ свое образованіе самоучкой и писалъ иконостасы въ провинціальныхъ церквяхъ, прежде чѣмъ выбился на настоящую дорогу и попалъ въ академію художествъ.

Н. А. Кошелевъ особенно извѣстенъ картинами изъ Новаго Заѣта («Погребеніе Христа», «Христосъ-Отрокъ во храмѣ» и др.). Картина «Вышелъ съятель съять» представляетъ собою одинъ изъ самыхъ блестящихъ образчиковъ его творчества въ этомъ родѣ. Художникъ совмѣстилъ въ своей картинѣ самую иллюстрацію притчи съ изображеніемъ Спасителя, повѣствующаго о ней. По оригинальной мысли автора, Спаситель, говоря о съятелѣ, указываетъ ученикамъ на дѣйствительнаго съятеля, вышедшаго въ этотъ моментъ на работу. Благодаря такой трактовкѣ сюжета, послѣдній чрезвычайно выигрываетъ въ яркости и пластичности.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разерочки, подписная плата за „Ниву“ 1906 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 40-го. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Соловей. Разсказъ К. Баранцевича. (Продолженіе). — Чудеса американской природы. — Счастье. (Китайская легенда). А. С. Клеппера. — Ищите красоту!.. Стихотвореніе Евгѣнія Геркена. — Россія и западные славяне. (Политическое обозрѣніе). — Пятидесятилѣтіе „Русалки“ Даргомыжскаго. — Международная выставка въ Миланѣ. — Н. И. Быстровъ. — Четыре темперамента. — Вышелъ съятель съять. — Заявленіе. — Объявленія. РИСУНКИ: Четыре темперамента. — Лунная ночь въ Крыму. — Начало осени. — Вышелъ съятель съять. — Международная выставка въ Миланѣ (5 рисунковъ). — Чудеса американской природы: 1) Скала въ „Саду Боговъ“, носящая названіе „Мать Гренди“ и имѣющая форму челоѣческой головы. 2) Опасный прыжокъ. — Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій. — Генераль-майоръ Д. Ѳ. Треповъ. — Генераль-майоръ В. А. Дедюлинъ. — Сѣдлецкій погромъ (10 рисунковъ). — Почетный лейбъ-медикъ, профессоръ Н. И. Быстровъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 32.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

